

ОБВИНЕНИЕ ЗАПАДА.

(Henri Massis. Défense de l'occident. Le roseau d'or. 1927.).

Массисъ не достигъ своей цѣли, онъ не защитилъ Запада, — онъ написалъ книгу, которая производитъ впечатлѣніе обвиненія противъ Запада. Многие скажутъ, что лишь умирающая цивилизація можетъ себя такъ защищать. Такъ защищаютъ себя тѣ, которые цѣликомъ въ прошломъ и не имѣютъ будущаго. Непомѣрная гордыня и самодовольство латинской цивилизаціи, которыми исполненъ Массисъ, не означаютъ творческой силы, наоборотъ, они означаютъ закрытость для всякаго движенія къ грядущему. Массисъ обоготворяетъ латинскую цивилизацію, предѣлы бытія для него совпадаютъ съ предѣлами этой цивилизаціи и за ея предѣлами начинается царство хаоса, темный и страшный Востокъ. Массисъ — правый католикъ, близкій къ «Action française», но о католичествѣ своемъ онъ вспоминаетъ лишь подъ конецъ книги. Большая часть книги написана такъ, что ее могъ бы написать атеистъ-позитивистъ Ш. Моррасъ или не имѣющій никакого отношенія къ христіанству П. Валери, т. е. всякій защитникъ латинской цивилизаціи, какъ абсолютной и неподвижной. Въ книгѣ Массиса выражается абсолютная увѣренность въ святости классической цивилизаціи, не зарождается ни малѣйшаго христіанскаго сомнѣнія въ томъ, праведна ли и истина ли цивилизація вообще, не грозитъ ли ей неотвратимая и заслуженная катастрофа. Католичество для Массиса тождественно съ цивилизаціей, точнѣе съ латинской цивилизаціей, оно, помимому, и нужно для поддержанія цивилизаціи. Ш. Моррасъ говоритъ, что идея Бога сама по себѣ вредная, разрушительная и анархическая, ведетъ къ неповиновенію іерархіи общества и цивилизаціи, но католичество сумѣло превратить эту вредную идею въ органи-

зующую социальную и цивилизаторскую силу (см. его книгу «Romantisme et révolution»). Достоевскій нашелъ бы въ Моррасѣ и Массисѣ подтвержденіе своей «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ». Имнѣ хотѣлось бы даже защитить католичество противъ Массиса. Католичество шире и сложнѣе латинской цивилизаціи съ ея рационализмомъ, юридизмомъ, формализмомъ, съ ея классическимъ духомъ. Во Франціи былъ Леонъ Блуа, весь проникнутый духомъ пророческимъ и апокалиптическимъ. Хотѣлось бы защитить и европейскую культуру противъ Массиса. Европейская культура не есть только латинская культура, она есть культура романо-германская и въ самой Франціи есть не только латинскіе элементы. Германцы играли огромную роль въ судьбахъ европейской культуры. Существуетъ еще и англо-саксонскій міръ. Для Массиса Европа кончается у Рейна. Германія для него Азія и столь же страшна, какъ Россія и Индія. Это производитъ впечатлѣніе смѣшного и ограниченнаго французскаго самодовольства, неспособнаго понять многообразіе Божьяго міра. Массисъ пишетъ о томъ, чего онъ не понимаетъ и что онъ плохо знаетъ.*) Германію и Индію онъ знаетъ плохо, по нѣсколькимъ популярнымъ книжкамъ и статьямъ, Россію же не знаетъ совсѣмъ и совсѣмъ не способенъ о ней судить. Особенно жалки и грубо невѣрны сужденія Массиса о Православіи, о которомъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, какъ впрочемъ и большая часть

*) Въ книгѣ есть грубая фактическая ошибка о журналѣ «Путь», смѣщеніе Духовной Академіи и Религіозно-Философской Академіи, невѣрное пониманіе евразійства и мн. т. п.

иностранцевъ. Массисъ — человѣкъ, безсознательно пораженный ощущеніемъ, что господству латинской цивилизаціи наступаетъ конецъ, что другія силы вступаютъ во всемірную исторію и будутъ опредѣлять ее, что культурная монополія Запада кончается и пробуждается Востокъ, который начинаетъ деформировать и самую западную культуру. Онъ розыскиваетъ внутри Запада измѣнниковъ, которые отравляютъ западную цивилизацію ядами Востока и у него принимаетъ грандіозные размѣры опасность, которую представляетъ собой по его мнѣнію Кейзерлингъ.

Есть одинъ вопросъ, который возникаетъ при чтеніи книги Массиса. Мы живемъ въ эпоху пробужденія народовъ Востока. Народы Азіи не хотятъ болѣе быть предметомъ эксплуатаціи европейскихъ государствъ, исключительнымъ объектомъ ихъ колониальной политики, они стремятся къ освобожденію и къ самостоятельной роли въ исторіи. Почему же Массисъ считаетъ этотъ фактъ столь возмутительнымъ и недопустимымъ? Хотѣлъ ли бы онъ, чтобы народы Востока навѣки вѣковъ пребывали въ сонномъ и рабскомъ состояніи и этимъ обелгчали Европѣ безстыдную ихъ эксплуатацію? Думаетъ ли онъ, что отношеніе европейскихъ государствъ и европейской цивилизаціи къ народамъ Востока было подлинно христіанскимъ? Въ качествѣ католика онъ долженъ признать, что и народы Азіи — Божье твореніе, предназначенное для высшей жизни, что и имъ не подобаешь вѣчно оставаться въ состояніи сна и рабства и быть лишь объектомъ, а не субъектомъ. Всѣ оцѣнки Массиса продиктованы чувствомъ страха и шкурной боязнью гибели, а не христіанскимъ сознаніемъ правды и справедливости. Пробужденіе народовъ Востока есть фактъ положительный, а не отрицательный, и христіанамъ подобаешь не негодовать по этому поводу, а лишь желать, чтобы свѣтъ Христовой истины распространился и на нехристіанскій Востокъ, какъ и на весь міръ. Если бы пробудились народы Марса, то и это нужно было бы привѣтствовать, ибо и самодовольство планеты земли есть ложное и недолжное состояніе. Паѳосъ Массиса есть не христіанскій паѳосъ, а греко-римскій, есть паѳосъ конечнаго, есть боязнь безконечнаго, паѳосъ законченной формы. Онъ считаетъ весь остальной міръ, кромѣ латинства, точнѣе кромѣ Франціи, варварствомъ, совсѣмъ какъ считали греки. Онъ не хочетъ знать той истины, что для

христіанина нѣтъ ни эллина, ни іудея. Онъ въ христіанствѣ дорожитъ только римскими началами рационализма, формализма и юридика и боится мессіанско-эсхатологическихъ началъ въ христіанствѣ, входящихъ къ Библии и юдаизму. Массисъ не рѣшается сказать, подобно Ш. Моррасу, что Библия есть самое большое зло для европейской цивилизаціи, восточный ядъ, но въ глубинѣ души онъ также настроенъ. Массисъ основательно забылъ, что христіанство восточнаго, а не западнаго происхожденія, какъ впрочемъ и всѣ религіи. Востокъ есть страна откровенія. По книгѣ Массиса выходитъ такъ, что Западъ (= латинской цивилизаціи) есть рационализмъ, Востокъ же есть мистицизмъ. Опасность Востока есть мистическая опасность, грозящая низверженіемъ рациональной формы. Массисъ боится мистики и особенно мистики профетической и мессіанской, какъ грозящей низверженіемъ латинской цивилизаціи. Но это обнаруживаетъ лишь недостаточную духовность латинской цивилизаціи. Это есть не защита Запада, а обвиненіе Запада. Если Западъ есть рационализмъ и господство конечной и ограниченной формы, то ему грозитъ смерть, то онъ не имѣетъ будущаго. Это есть ослабленіе діонистической силы жизни, истощеніе. Одинъ нѣмецкій католикъ, видный богословъ и одинъ изъ руководителей католическаго движенія молодежи въ Германіи, сказалъ мнѣ: у насъ на Западѣ изсякаетъ діонистическая сила жизни, она осталась только у васъ въ Россіи, но форма не овладѣла еще этой діонистической стихіей. Опасность Россіи и Востока воплощена для Массиса въ Достоевскомъ. Массисъ, какъ и Ш. Моррасъ, воображаетъ, что можно побѣдить истощеніе, разложеніе и декадансъ возвратомъ къ классическимъ латинскимъ идеаламъ, къ Франціи XVII вѣка. На этой почвѣ возможно лишь безсильное реакціонное движеніе. Современные французскіе классики, у которыхъ, подобно Ш. Моррасу, политика опредѣляется стилистическимъ интересомъ, обречены быть романтиками и не могутъ быть реалистами. Можно быть романтикомъ во всѣхъ направленіяхъ. Романтизмъ побѣждается не классицизмомъ, не возвратомъ къ старому, а реализмомъ, религіознымъ реализмомъ, творческимъ движеніемъ къ осуществленію духовныхъ реальностей. Несвоевременный, реакціонный классицизмъ есть умираніе, смерть. Мы же идемъ къ религіозному реализму, а не классицизму. Культъ задерживаю-

щих и замораживающих классических форм есть дурная романтика небольшой группы, не желающей сознательно вступить в новую мировую эпоху. Этим я, не хочу конечно, отрицать значения латинской формы.

Массисъ очень напуганный человекъ, онъ всего боится, всякое духовное движеніе нашей эпохи представляется ему угрозой цивилизаціи. Онъ не только правый католикъ, но и гуманистъ стараго типа, человекъ Ренессанса въ эпоху, когда онъ изсякъ и разложился. Греко-римская цивилизація представляется ему единственной, абсолютной и не превзойденной ни въ чемъ. Непонятно даже, почему христіанину не приходится въ голову, что на почвѣ христіанства могла возникнуть болѣе высокая цивилизація. Точнѣе нужно сказать, что цивилизація Массиса есть латинская цивилизація, ибо къ Греціи онъ имѣетъ мало отношенія. Мы, русскіе, болѣе связаны съ Греціей, чѣмъ латиняне. Черезъ Православную Церковь, черезъ греческую патристику, черезъ платонизмъ, глубоко намъ присущій, мы принадлежимъ греческой традиціи. И чуждъ намъ не греческій духъ, а духъ латинскій. Не случайно Ш. Моррасъ, къ которому Массисъ очень близокъ, считаетъ Платона азіатскимъ, восточнымъ влияніемъ въ Греціи*). Всякая устремленность къ потустороннему міру оказывается отнесенной къ Востоку. Западу остается рационализмъ, формализмъ, юридизмъ, позитивизмъ. Ш. Моррасъ по крайней мѣрѣ не католикъ и потому послѣдователенъ и по своему правъ, для Массиса же само католичество оказывается формой позитивизма, организацией земной жизни. Односторонняя, но великая и духовная германская культура, германская мистика, германская философія, Массису представляется хаосомъ и варварствомъ, низверженіемъ латинской формы. Массисъ глухъ и слѣпъ ко всѣмъ духовнымъ движеніямъ въ мірѣ, не хочетъ ихъ, онъ закрытъ всѣмъ мірамъ, кромѣ міра латинскаго, кромѣ Франціи. При такой mentalité нельзя судить о Германіи, о Россіи, объ Индіи, объ иныхъ духовныхъ мірахъ. Массисъ налагаетъ на непонятные ему духовные міры готовую схему, не вживаясь въ нихъ, онъ оперируетъ исклю-

Интересно отмѣтить, что Ж. де Местръ считалъ болѣе интересными и гениальными восточные элементы у Платона, чисто греческіе же элементы представлялись ему скучными.

чительно рационально-дедуктивнымъ методомъ, безъ интуиціи, безъ зоркости и опытнаго проникновенія. Отъ Рейна черезъ русскую равнину до Гималаевъ и до Тихаго океана поднимается одна и та же опасность для мировой латинской цивилизаціи, низверженіе формы, уничтоженіе личности и авторитета (какъ будто это тоже самое!), пантеистическая духовность, отрицающая дистанціи и различія. Нѣмецкій идеализмъ и Кейзерлингъ, Достоевскій и евразійцы, Рабиндранатъ Тагоръ и Ганди представляются самодовольно-ограниченному латинскому взору однороднымъ явленіемъ. Онъ и не подозреваетъ, что Кейзерлингъ совсѣмъ другое явленіе, что нѣмецкій идеализмъ, что евразійцы очень не любятъ Достоевскаго и что они, какъ и Достоевскій, нимало не походятъ на нѣмецкій типъ духовности, равно какъ ничего общаго не имѣютъ и съ Индіей. По схемѣ Массиса духъ Россіи долженъ походить на духъ Индіи. Но въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Россія совсѣмъ не походитъ на Индію и русскому народу совсѣмъ не свойственна безлика, отвлеченная духовность. Россія въ духовности своей есть христіанская православная страна. И православіе есть христіанство наиболѣе вѣрное истокамъ христіанскаго откровенія, наименѣе искаженное рационализацией и юридизацией, свойственными римскому духу. Массису кажется, что нѣтъ другихъ источниковъ духовной культуры кромѣ латинства. Если не латинство, то Индія. Но русская религіозная культура имѣетъ источникъ греческій и древнееврейскій, библейскій. И исходящая оттуда начала дѣйствуютъ въ нашей исконной языческой славянской стихіи. Русскому народу и русскому религіозному мышленію особенно свойственны эсхатологизмъ и мессіанизмъ, восходящіе къ древне-еврейскому сознанію и совершенно чуждые Индіи. Индія глубоко анти-исторична, для индусскаго сознанія метафизическое никогда не переходитъ въ историческое. Русская же духовная настроенность обращена къ исторической судьбѣ, она мессіанична. Не знаетъ Массисъ и того, что русская мысль имѣетъ паюсъ персонализма, что для Достоевскаго характерно страстное отношеніе къ человѣческой личности и сяненовторимой судьбѣ, что ему свойственъ напряженный антропологизмъ. Я не знаю въ Европѣ писателя, который былъ бы такимъ ходатаемъ за человѣческую личность, какъ Достоевскій. Близкій же къ буддизму Л. Толстой

влиять на Ромена Роллана, Ганди и англосаксонцевъ, но очень мало влиять на русскую творческую религиозную мысль. Также превратны сужденія Массиса о Германіи. Онъ считаетъ характерной чертой западной цивилизаціи человѣческую энергію, приписывая ее цѣликомъ латинскому міросозерцанію. По его схемѣ нѣмцы не должны обладать этой энергіей, это не вытекаетъ изъ ихъ міросозерцанія. Но въ дѣйствительности мы видимъ, что нѣмцы гораздо активнѣе французовъ въ созданіи цивилизаціи и активность эта носитъ иногда даже отрицательный характеръ.

Нельзя жить исключительно прошлымъ, это есть безсильный романтизмъ или упадочничество, нужно обратиться къ творческому будущему. Массисъ искренно негодуетъ на то, что начинается новая міровая эпоха. Опъ въ ужасѣ и безсильномъ негодованіи останавливается передъ апокалипсисомъ всемірной исторіи. Западная Европа въ значительной своей части измѣнила христіанству, отступила отъ христіанской вѣры и въ своемъ отношеніи къ Востоку она не можетъ претендовать быть исключительной носителемъ христіанскаго свѣта. Отдѣльные католическіе миссіонеры въ Китаѣ, погибшіе мученической смертью, не характерны для отношенія европейскихъ государствъ къ народамъ Азіи. Болѣе характеренъ тотъ теоретическій и практическій матеріализмъ, которымъ современная западная культура заражаетъ и Азію. Духовность ослабѣла въ Европѣ. Безбожная и безличная цивилизація, умерщвляющая духъ и грозящая истребленіемъ человѣческаго образа, утвердилась прежде всего на Западѣ, въ Европѣ и она грозитъ изнутри варваризаціей. Этой опасности съ Запада, опасности обездушенной технической цивилизаціи Массисъ не видитъ. Онъ совсѣмъ не понимаетъ проблемы различія культуры и цивилизаціи, которая поставлена русской и нѣмецкой

мыслью. Совсѣмъ не Кайзерлиегъ, не Ромень Ролланъ, не необуддизмъ и теософизмъ представляютъ собою опасность внутри Европы. Именно самъ Массисъ губитъ Европу, поддерживая расколъ и вражду между Франціей и Германіей, объявляя войну Франціи со всѣмъ міромъ. Это то и мѣшаетъ Франціи, странѣ древней, великой и утонченной культуры, сыграть положительную роль въ объединеніи Европы, безъ которой ей дѣйствительно грозитъ опасность со стороны Китая и нехристіанскаго Востока. Мы живемъ въ эпоху, когда необходимо не только бѣльшее духовное единеніе внутри Европы, но и христіанское духовное единеніе Востока и Запада. И Востокъ и Западъ, подобно тому, какъ это уже было въ эллинистическую эпоху, не могутъ оставаться замкнутыми, изолированными и самодовольными. И Западъ долженъ обратить къ нехристіанскому Востоку свое подлинно христіанское, а не цивилизаторское лицо.

Только въ концѣ книги Массисъ вспомнилъ о своемъ христіанствѣ и прибавилъ нѣсколько вѣрныхъ мыслей, защищающихъ человѣческую личность. Со всѣхъ сторонъ человѣческой личности грозитъ опасность. И только христіанство подлинно хранитъ и защищаетъ человѣческую личность. Но это не есть прерогатива латинской цивилизаціи, мы идемъ къ христіанской вселенскости и ее должны нести нехристіанскому Востоку. Массисъ мѣшаетъ этому, а не помогаетъ. Книга его поучительна, и она доказываетъ обратное тому, что поставилъ себѣ цѣлью доказать авторъ. Христіанскому Востоку смѣшны претензіи Массиса. И ему слѣдовало бы искать духовной помощи на христіанскомъ Востокѣ противъ антихристіанскихъ и антихристовыхъ опасностей, которыя есть и на Западѣ и на Востокѣ.

Ник. Бердяевъ.